

УДК 93 (01)

Мазаев Р.М.¹

МИКРОИСТОРИЯ: ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НАПРАВЛЕНИЯ

Санкт-Петербургский государственный университет

Mazaev R. M.

MICROHISTORY: THE ISSUE OF FORMING THE APPROACH

Saint-Petersburg State University

Реферат: *Исследуется процесс формирования микроисторического подхода в науке. Анализируются работы, послужившие базисом для исследований микромасштаба в исторической науке, а также выявлению связей между «новой исторической наукой» и микроисторией. Автор подчеркивает, что, несмотря на стремление К. Гинзбурга, Д. Леви и других основателей микроисторического подхода отмежеваться от «новой исторической науки», ее влияние оказало громадное воздействие как напрямую через заимствование методологии, так и опосредованно, будучи той моделью, от которой создатели микроисторического направления отталкивались.*

Ключевые слова: *микроистория, историография, народная культура, методология, К. Гинзбург, социальные установки.*

Abstract: *The article is devoted to the consideration of the first stages of the formation of the microhistorical approach. Special attention is paid to the analysis of works that served as the basis for microscale research in historical science, as well as to identify the links between the “new historical science” and microhistory. The author emphasizes that, despite the desire of C. Ginzburg, G. Levi and other founders of the micro-historian approach to dissociate themselves from the “new historical science”, its influence had a tremendous impact both directly through the borrowing*

¹ Мазаев Руслан Михайлович – студент института истории Санкт-Петербургского государственного университета, ruX12345@gmail.com.

of the methodology, and indirectly, being the model from which the creators micro-historical direction repelled.

Keywords: *microhistory, historiography, methodology, C. Ginzburg, folk culture, social attitudes.*

В первой половине XX в. ряд социальных и гуманитарных научных дисциплин столкнулись с методологической проблемой соотношения различных уровней исследований: высокого, среднего и низкого [8, с. 4-60]. В рамках таких наук, как социология и экономика эта ситуация привела к достаточно длительной доминации микроисторических штудий [9, с. 8-35].

В исторической науке методы микроистории имели своих предтеч в биографических и просопографических исследованиях [5, с. 300]. Однако само направление в историографии начало выкристаллизовываться лишь к середине XX века. При этом авторы не имели общих исследовательских приемов и тем более не составляли единой школы.

Например, Д.Р. Стюарт, писавший об университетской корпорации в Беркли и гражданской войне в США, в частности о сражении при Геттисберге 3 июля 1863 г., выводит значимость своего исследований из того факта, что малое и незначительное событие способно быть

предпосылкой грандиозных изменений в истории цивилизации. Так, неудача атаки на фланге генерала Д.Э. Пикета в сражении при Геттисберге могла привести к сохранению баланса сил в гражданской войне, следовательно, не допустить существование единой Америки и ее модернизации, а значит и ее участия в глобальной политике XX века [10, с. 211-212]. Основываясь на этом предположении, Д.Р. Стюарт полагает, что историку следует стремиться к выяснению абсолютно всех фактов касающихся исторического явления. Такому «плотному описанию» и посвящена работа американского исследователя, в которой он более чем на 300 страницах описывает 15 минутную атаку кавалерийской части.

Иной взгляд проводился мексиканским историком Л. Гонсалес-и-Гонсалесом, изучавший жизнь ничем не примечательной деревушки в Мексике (пожалуй, все, что выделяло ее среди других, это то, что в ней родился сам исследователь). Научное значение изысканий связано

именно с тем, что эта деревушка – объект исследования Гонсалеса – совершенно типична, это позволяет выявить черты сходные с множеством прочих подобных деревень, а следовательно, обнаружить общие тенденции и характеристики исторических явлений [5, с. 289-291]. Заметим, что работа Гонсалеса чрезвычайно близка к направлению *local studies*.

Неоднозначным было отношение к подобным исследованиям мэтра «новой исторической науки» Ф. Броделя. Им предполагалось, что микроистория, является чем-то схожим с прежней позитивистской событийной историей (*histoire evenementielle*). Однако ценность подобных штудий не отрицалась, но их выводы должны были находиться в положении предпосылок для макроисторических исследований, изучающих социальные структуры и исторические тенденции в рамках длинного времени (*longue durée*) [2, с. 119-135].

Термин, теперь присущий интересующему нас направлению, был введен лишь в 1981 г. итальянскими исследователями К. Гинзбургом и Д. Леви, группировавшихся вокруг журнала «*Quaderni Storici*» и выпустивших 22 выпуска издания «*Microstorie*» в 1981-1991 гг. [6, с.

13]. Безусловно, как признает сам К. Гинзбург [5, с. 293-302], методология «новой исторической науки» являлась одной из отправных точек для развития микроистории. Основными факторами, оказавшими влияния, были: введение методов этнографии и антропологии в исторические исследования, создание тренда на изучение традиционного общества, причем различных его слоев, а так же формирование инструментария для этого. Кроме того, историками «школы анналов» был выявлен такой важный фактор социально-исторического бытия человека как ментальность. Однако представители течения микроистории отказались от использования «серийных» источников высокого уровня (многочисленных, типичных и отражающих общие тенденции), поскольку они ограничивают область возможных исследований. Специфика этого типа источников не дает историку возможность проникнуть в область мирозерцания человека, особенно относится это к сознанию представителей широких народных масс, поскольку абсолютное большинство источников, относящихся к древнему миру и средним векам, касаются социальных отношений высших страт общества. Объектом исследования становятся источники (как на-

зывает их К. Гинзбург – «улики» [3, с. 35-55]), повествующие о заурядных персонажах, представителях простого люда, находящихся в аномальных ситуациях, приводящих к тому, что в них человек проявляет наиболее отчетливо черты, присущие собственной социальной среде.

Переход к изучению индивидуальных поведенческих установок и стратегий позволил исследователем отойти от существующих концепций, под которые представители макроистории пытались подгонять факты, извлекаемые из отдельных источников. Напротив, интерпретация специфики социальных стратегий позволяла выяснить общие тенденции, отталкиваясь от фактов, а не подводя их под определенную концепцию [5, с. 191-198].

К тому же, разделительной чертой для макроисторической школы «новой исторической науки» и микроистории является характер изложения. Сам характер объекта исследования – масштабные исторические тенденции, предопределяет то, что изложение макроисторических исследований по форме представляет, скорее, нечто подобное социологической или этнографической работе, в которой разделение материала осуществляется по темам [1, с. 69-80]. Микроистория же требует для

себя стиля художественного нарратива, выступающего средством презентации, приводя исследование к более привлекательной и понятной для читателя форме [1, с. 72-74].

Методология микроистории имеет две основные проблемы: определение критерия для объекта исследования и взаимодействие с макроисторическими изысканиями историков. Дело в том, что персонаж, изучаемый микроисторией, молчалив, за него говорят другие, его история реконструируется или на основе формализованных документальных источников (в случае мельника Доменико Сканделла – «героя» знаменитой работы К. Гинзбурга «Сыр и Черви»), или через нарратив, конструируемый представителями культуры высших слоев общества, как например, в случае «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле.

Положение «безмолвного большинства» связано с культурной гегемонией и навязыванием собственных культурных позиций посредством власти в материальной сфере и области массового сознания. Ярким примером служит французская литература коробейников (*colportage*) и литографированные лубочные листы в России XIX в., которые представляли литературу «для народа», создаваемую представителями культу-

ры верхов, отражающие их установки, но стилизованные под народную культуру [7, с. 171-192].

Таким образом, историк вынужден иметь дело с фактами, преподнесенными через вторые, а то и третьи руки, к тому же эти факты единичны, поэтому постулируемые на их основе выводы зачастую мало релевантны. Пример этого мы видим в работе Гинзбурга, указывающего на некую всеобъемлющую и всеобщую мировоззренческую установку представителей народной культуры, включающую в себя космологические, этические и религиозные воззрения, которая, однако, не имеет подтверждения в иных источниках и является гипотезой *ad hoc* [4, с. 17-20].

Нерешенным оказывается вопрос о том, каким образом исследования истории отдельных личностей и малочисленных социальных общностей могут быть введены в рамки макроисторических исследований. Здесь имеются различные уклоны в пользу значимости того или иного подхода. Однако прецеденты синтеза имели место. Например, исследователями Института истории имени Макса Планка в 1970 гг. был проведен грандиозный проект, заключающийся в обобщении выводов множества исследований локального

характера относительно протоиндустриализации в германских землях посредством квантитативных методик [6, с. 17-18]. Но итог его оказался неоднозначным, он представил из себя лишь сумму результатов множества исследований, не порождающий нового знания.

Проблему соотношения этих двух направлений в исторической науке К. Гинзбург предполагает разрешить посредством механизма переноса социальных установок индивида и малой общности на социальный класс, подкрепляя это более широкой источниковой базой. Низший, или как его называет К. Гинзбург - «базовый», класс должен «заговорить» посредством приемов герменевтики. Подробный анализ материалов источников, созданных носителями культуры «верхов», учитывающий специфику менталитета среды, из которых они вышли, должен дать возможность получить объективные данные относительно «безмолвствующих» социальных масс [6, с. 32-49].

Кроме того, при изучении мировоззрения индивида, в том числе и носителя народной культуры, следует обращаться к тому, из области каких источников черпались мировоззренческие представления, каков круг литературных и устных произ-

ведений, традиций, ставших предпосылками для формирования воззрений интересующей исследователя личности. В отношении же народной культуры требуется следующие дополнения, сведения о ней, по мнению К. Гинзбурга, должны дополняться отличными по времени создания, пространственному положению и культуре источниками, типологическое сравнение которых позволило бы выявить некое «ядро культуры» [6, с. 36]. Это положение, пожалуй, достаточно проблематично и связано с тем, что критерии для типологических сравнений должны быть чрезвычайно четкими, чтобы компаративистское исследование могло выявить объекты схожие по своим сущностным чертам, а не по внешним формам. Неудачи подобных подходов демонстрирует нам историко-мифологическая школа XVIII-XIX веков, последователи которой стремились вывести из факта внешнего подобия факт генетической связи, имеем в виду, например, гипотезу о происхождении христианства из мифов об умирающих и воскресающих божествах.

В самой работе К. Гинзбурга мы находим следующее противоречие. Известно, что Меноккио был знаком с апокрифической христианской литературой, которая содержит в себе

гностический миф о творении, практически идентичный по смыслу со словами мельника: «Я говорил, что мыслю и думаю так: сначала все было хаосом, и земля, и воздух, и вода, и огонь — все попеременно. И все это сбилось в один комок, как сыр в молоке, и в нем возникли черви и эти черви были ангелы. И по воле святейшего владыки так возникли Бог и ангелы; среди ангелов был также Бог, возникший вместе с ними из того же комка; он стал господом и у него было четыре капитана, Люцифер, Михаил, Гавриил и Рафаил. Этот Люцифер захотел стать господом подобно тому владыке, который был царем и Богом, и за его гордыню Бог прогнал его с неба со всеми его присными и приспешниками. И Бог затем создал Адама и Еву и много других людей, чтобы заполнить места изгнанных ангелов. Но все они не исполняли его заповедей, и тогда Бог послал к ним своего сына, и евреи его схватили, и он был распят» (ср. Nag Hammadi, Codex III, 23, 20–21 – Апокрифическое Евангелие от Иоанна). К. Гинзбург расценивает это космогоническое представление Меноккио как отражение некоего всеобщего мировоззрения представителей народной культуры, вместо того, чтобы видеть в этом лишь

влияние прочитанной мельником литературы.

В заключение следует указать, что микроисторические исследования, генетические связанные с «новой исторической наукой», представляют скорее всего новое ее издание, а не нечто совершенно отличное от нее. Здесь мы видим и интерес к традиционному обществу,

особенно его менталитету, и выявление социально-исторических тенденций, правда, несколько иным путем, и наличие антропологической методологии. Даже художественно-литературный характер подачи материала не так уж сильно отличен от того, что мы можем найти, например, у М. Блока или Ж. Ле Гоффа.

Список литературы:

1. Бёрк П. Что такое культуральная история ? / Пер. И. Полонской. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2015.
2. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность /Пер. Ю.А. Асеева // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977. С. 115-143.
3. Гинзбург К. Приметы: Уликовая парадигма и ее корни // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 32-61.
4. Гинзбург К. Сыр и черви / Пер. М.Л. Андреева. М.: РОССПЭН, 2000.
5. Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы. Морфология и история /Пер. С. Козлов. М.: Новое издательство, 2004.
6. Шлюмбом Ю. и др. Микроистория: большие вопросы в малом масштабе //Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории / Под ред. М.М. Крома. СПб: Алетейя, 2003. С. 7-27.
7. Юрков С. Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI-начало XX вв.). СПб.: Летний сад, 2003.
8. A Historiography of the Modern Social Sciences / Edited by R.E. Backhouse and P. Fontanie. New York: Cambridge University Press, 2014.
9. Parkin M. Foundations of Microeconomics. Addison: Wesley Paperback, 2001.
10. Stewart G. R. Pickett's Charge: A Microhistory of the Final Attack at Gettysburg, July 3, 1863. Boston: Houghton Mifflin, 1959.

References:

1. Bjork P. Chto takoe kul'tural'naja istorija ? / Per. I. Polonskoj. M.: Izdatel'stvo Vysshej shkoly jekonomiki, 2015.
2. Brodel' F. Istorija i obshhestvennye nauki. Istoricheskaja dlitel'nost' / Per. Ju.A. Aseeva // Filosofija i metodologija istorii. M.: Progress, 1977. P. 115-143.
3. Ginzburg K. Primety: Ulikovaja paradigma i ee korni // Novoe literaturnoe obzrenie. 1994. № 8. P. 32-61.
4. Ginzburg K. Syr i chervi / Per. M.L. Andreeva. M.: ROSSPJeN, 2000.
5. Ginzburg K. Mify-jemblemy-primety. Morfologija i istorija / Per. S. Kozlov. M.: Novoe izdatel'stvo, 2004.
6. Shljumbom Ju. i dr. Mikroistorija: bol'shie voprosy v malom mashtabe // Proshloe – krupnym planom: sovremennye issledovanija po mikroistorii / Pod red. M.M. Kroma. SPb: Aletejja, 2003. P. 7-27.
7. Jurkov S. E. Pod znakom groteska: antipovedenie v russskoj kul'ture (XI-nachalo XX vv.). SPb.: Letnij sad, 2003.
8. A Historiography of the Modern Social Sciences / Edited by R.E. Backhouse and P. Fontanie. New York: Cambridge University Press, 2014.
9. Parkin M. Foundations of Microeconomics. Addison: Wesley Paperback, 2001.
10. Stewart G. R. Pickett's Charge: A Microhistory of the Final Attack at Gettysburg, July 3, 1863. Boston: Houghton Mifflin, 1959.